

Г. В. СТЕЛЛЕР

ТРАКТАТ

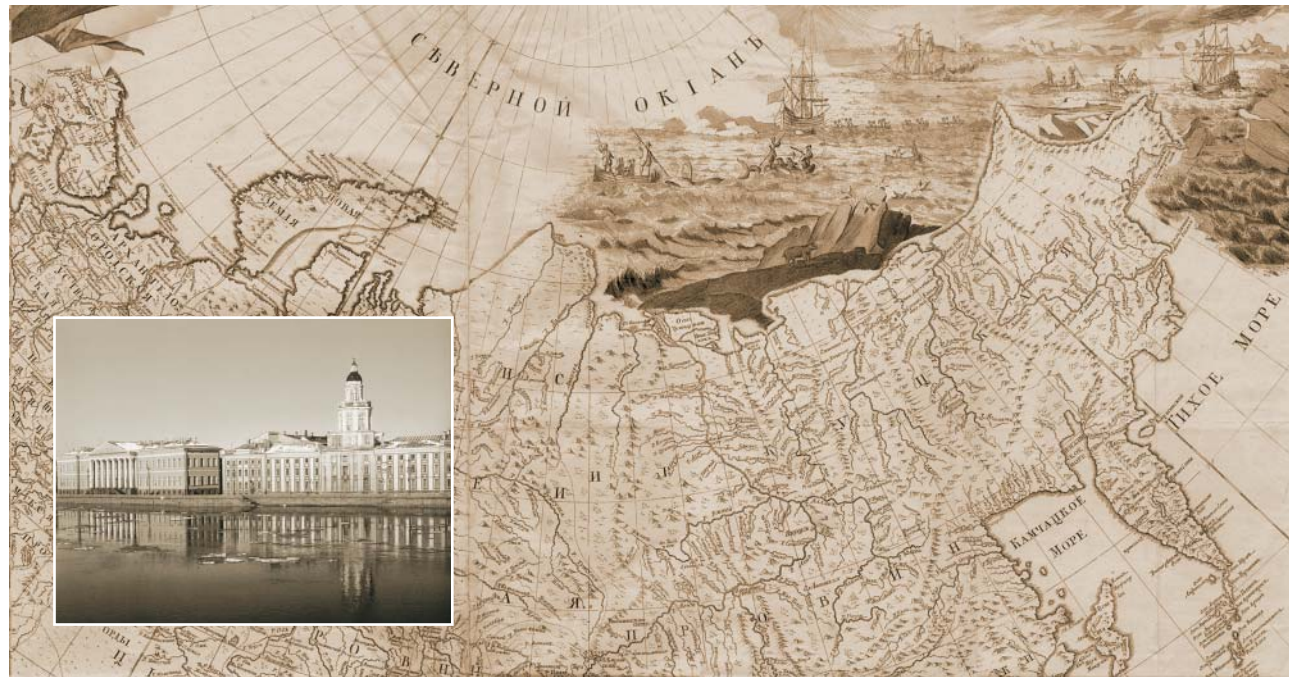
Перевод Т. А. Лукиной

О НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ

Перечень целебных снадобий, собранных с 1737 по 1738 год, как простых, так и сложных, часто применяемых русскими, татарами, остяками, чулимскими татарами наружно и внутрь при различных болезнях, а также многих способов лечения

Юбилейные даты в истории науки дают возможность оглянуться назад и вспомнить о далеких наших предшественниках. В 2009 г. исполнилось триста лет со дня рождения Георга Вильгельма Стеллера и Иоганна Георга Гмелина, принявших участие во Второй Камчатской экспедиции. Когда исследователи пишут об этом грандиозном исследовательском проекте XVIII в., то вполне справедливо с уважением и особым пиететом отмечают вклад всех членов «академического» отряда в комплексное изучение Сибири. Ровесником Гмелина и Стеллера был еще один участник экспедиции – художник Иоганн Христиан Беркхан. В год отправления экспедиции из Петербурга им всем не исполнилось еще и 25 лет. Всех троих связывала и профессиональная направленность: Гмелин и Стеллер призваны были изучать природу Сибири, а Беркхан – зарисовывать животных и растения. Изучение планировалось вести не только «в поле»: ученые должны были собирать естественно-научные коллекции и отправлять их в Петербург, в академический музей для дальнейших исследований. То, что нельзя было отправить или было необходимо зафиксировать как еще «неизвестные» природные объекты, художники зарисовывали «на месте», и рисунки отправлялись в Академию наук. Сборы ученых, так же как число рисунков художников, поражают воображение. Многие из этих наблюдений, исследований и зарисовок уже опубликовано, но не менее важное и интересное еще ждет своего часа в архивах.

Предисловие переводчика

...Начиная с самых первых дней своего путешествия, по пути от Москвы до Енисейска, Стеллер делал заметки о быте и обычаях населения, перечни и описания растений и животных, собирал материалы по народной медицине. По прибытии в Енисейск он все это отправил в Академию. Одна из этих рукописей – трактат, посвященный целебным снадобьям и способам лечения.

Неудивительно, что Стеллер в Сибири интересовался медициной. Это естественно и для врача, и для путешественника того времени. В XVIII в. вошло в моду изучение лекарственных свойств растений. Стеллер собирал сведения о полезных дикорастущих травах, о способах лечения болезней, и иногда испытывал их на себе. Он подробно описал целебные снадобья, употребляемые русскими и украинцами, живущими в Сибири, а также, что особенно ценно, ненцами, коряками, манси, ительменами, хантами, удмуртами, марийцами, эвенами, юкагирами, татарами, старался отметить все полезное и важное в народных знаниях о природе. Многие растения, упомянутые в трактате, и в наше время принадлежат к известным лекарственным растениям; о некоторых знали в России еще до XVIII в.; но Стеллер, безусловно, явился первооткрывателем многих лекарственных растений Сибири.

Одной из самых распространенных болезней была цинга и люди в то время редко от нее излечивались. Даже в экспедиции В. Беринга моряки, больные цингой, не склонны были следовать советам Стеллера.

Полезные знания о лечении цинги, отмеченные Стеллером у малых народов Сибири, интересны в плане сравнительно-историческом; подобные снадобья, приготовленные

из растений, например, и позднее употребляли ненцы.

В трактате указаны средства, улучшающие деятельность сердца, противоглистные, против кожных заболеваний, противоревматические. Стеллер считал особенно эффективными средствами при лечении карбункулов и нарывов настои трав, пивные дрожжи.

Однако в практике народной медицины существовали и неверные представления о целительных свойствах того или иного растения. Случалось, что приготовленные из них снадобья были бесполезны, а иногда и опасны. Стеллер уделил много внимания ошибочным и вредным методам лечения, применявшимся местными врачами и знахарями, которые давали детям принимать внутрь порошок медного купороса, поили больных отваром ядовитой чемерицы, отчего многие умирали, опускали больных лихорадкой в холодную воду рек или колодцев. Он упоминал о псевдолекарствах – несуществующих «муравьином» и «водяном» маслах, о печеном луке как средстве от зубной боли, о будто бы целебных свойствах сушеных лягушек, отмечал случаи, когда эти средства помогали; Стеллер, как правило, не осуждал явные нелепости и ошибки, допущенные невежественными врачами.

В трактате много говорится о суевериях и о всевозможных магических средствах. Например, по наблюдениям Стеллера, настоем трав лютика и морозника татары отгоняли злых духов, а русские спасались от дурного глаза; мясо из лошадиного копыта употреблялось в качестве амулета. Упомянул он и о шуточных обычаях – одурманиться беленой в бане, поить гостей отваром калины, похаживать на простую воду, но вызывающим

ЛУКИНА Татьяна Аркадьевна (1917–1999), кандидат филологических наук, ученица Н. Я. Марра, с 1953 г. и до конца жизни – сотрудница Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР. Представительница научной школы Б. Е. Райкова. Историк науки, автор книг о М. С. Мериан, А. П. Протасове, И. И. Лепехине, К. М. Бэре, И. Ф. Эшшольце, Б. Е. Райкове

опьянение. В конце трактата автор повествует о существовавшем у хантов и других сибирских народов обычае – есть сырые ядовитые грибы, чтобы вызвать наркотическое состояние.

Трактат Стеллера, публикуемый ниже в переводе с латинского языка, – одна из ранних работ по этнографии Крайнего Севера и Дальнего Востока. Его ценность в том, что он дает представление о рациональных знаниях окружающего растительного мира, которыми уже в те далекие времена располагали народы Сибири; трактат знакомит с приемами и способами лечения, основанными на положительном знании лекарственного воздействия различных растений.

Предположительно портрет
Г. В. Стеллера

В Москве и повсюду в окрестных селах из березовых прутьев, очищенных от листьев и расщепленных с добавлением такой же части наструганных кусочков дерева, называемого по-русски «ясень», помещенных в горшок, приготавливают способом перегонки с помощью нагревания едкой прозрачный красноватый спирт, которым снаружи натирают члены при цинготно-ревматических болях, называемых «костяная ломь», а также при грыже. Внутри принимают от сорока до ста капель в течение нескольких дней почти совсем такой же спирт татары. Как стало известно позднее, таким же пользуются выборгские финны.

Также вплоть до Нижнего Новгорода из дерева *Xylosteum* готовится посредством перегонки фильтрованное купоросное масло, черное, тяжелое, с сильным запахом. Его употребляют наружно при невоспаленных опухолях, по большей части с хорошим результатом. Внутри его принимают при лечении французской болезни всех стадий, цинги, чесотки. Во всех названных местностях оно продается в лавках как «жимолостное масло». Это одно из самых ходких русских лекарств.

Красная китайская [мазь] «тен-суи» продается в Москве в лавках. Это суставное лекарство русских жителей Москвы, которое я до сих пор еще не мог получить, приготавливают таким же способом, как русские в Сибири настоящую, китайскую [мазь]. Они наливают винный спирт в тесто и смазывают им воспаленные места. Это средство очень хвалят.

Москвичи приготавливают из хохлатки средней (*Fumaria bulbosa*), из травы и корней спирт с помощью пивных дрожжей способом горячего брожения. Им пользуются в народе в весеннее время вместо винного спирта для лечения цинги. Это средство очень советуют.

В окрестностях Москвы и Касимова русские из измельченных корней редьки (*Raphanus rusticanus*) или хрена (*Armoracia*), превращенных в муку, приготавливают способом перегонки с помощью нагревания масла, называемого «хреновое масло», его принимают внутрь и наружно с большим успехом при ревматизмах цинготного происхождения.

Корни чемерицы (*Veratrum*, или *Elleborum album*) почти все русские в России и Сибири очень хвалят. Кусочки корней глотают в сыром виде, а иногда их добавляют

Главным событием в недолгой жизни выдающегося натуралиста Георга Вильгельма Стеллера было путешествие по неизученным просторам Сибири и Камчатки. Только незаурядный и мужественный человек мог вынести тяготы многолетних странствий на Севере в условиях XVIII в.

Стеллер родился в 1709 г. в Виндсхейме, небольшом франконском городке, в семье органиста. Уже в школьные годы он выделялся исключительными способностями, трудолюбием и интересом к естественным наукам. В 1729 г. он стал студентом теологического факультета в Виттенбергском университете, а в 1731 г. поступил в университет г. Галле, где изучал анатомию и естественные науки, главным образом ботанику.

По окончании курса в университете Стеллеру не удалось найти работу в Германии. В Данциге молодой врач получил место хирурга в русском военном госпитале. Сопроводя в Кронштадт раненых солдат, он осуществил свою мечту — оказался в столице России. Стеллер был одним из первых организаторов Ботанического сада Петербургской академии наук. Он обратился к президенту Академии с просьбой отправить его в Камчатскую экспедицию и получил согласие.

Таким образом, Стеллер стал участником второго этапа Великой Северной экспедиции, задуманной Петром Великим и осуществленной в 1725—1743 гг. Первый отряд Второй Камчатской экспедиции обогнул берега Северного Ледовитого океана, второй совершил плавание от Камчатки до Америки; Стеллер был присоединен к третьему ее отряду — академическому. Указ Сената

об отправлении Стеллера в Камчатскую экспедицию был подписан в августе 1737 г., и в декабре начался долгий путь ученого на Камчатку. Его сопровождал художник И. Х. Беркхан.

Путешественник проехал через Казань на Урал, остановился в Тобольске, далее отправился вниз по Иртышу до Оби и вверх по Оби до Томска. В декабре 1738 г. он достиг Енисейска. Дальнейший путь Стеллера лежал через Иркутск. Он путешествовал по берегам оз. Байкал, исследовал флору и фауну Баргузинских гор. В течение восьми месяцев Стеллер исследовал Камчатку, затем принял предложение В. Беринга участвовать в его путешествии к берегам Америки.

Во время путешествия с Берингом Стеллеру удалось совершить много этнографических наблюдений, найти новые виды растений, особенно лекарственных. В октябре 1741 г. произошло кораблекрушение. Во время вынужденной зимовки Стеллер путешествовал по острову и составил первое его описание. Он собирал коллекции, анатомировал животных, но главное — описал редкое животное из отряда сирен — морскую корову (*Phytina stelleri*), вскоре вымершую.

Оставшиеся в живых спутники Беринга построили из остатков пакетбота новое судно и покинули остров в августе 1742 г. После высадки в Авачинской бухте Стеллер пошел пешком из Петропавловска в Большерецк. Там его считали погибшим и об этом уже сообщили в Петербург. Все его имущество было продано.

В марте 1745 г. исследователь получил приказ Академии о возвращении в Петербург. На обратном пути в Тобольске Стеллер почувствовал недомогание, но не придавал этому значения и продолжал свой путь. В ноябре 1746 г. он умер в Тюмени в возрасте 37 лет.

Стеллер успел обработать меньшую часть собранных им материалов. Среди многочисленных работ Стеллера, по большей части оставшихся в рукописи, для этнографии Сибири особенно интересны созданные в 1742—1743 гг. «Описание всего того, что в морском вояже видеть и наблюдать случилось» и «Гистория Камчатская». Обе работы были использованы С. П. Крашенинниковым в его печатном труде, опубликованном раньше, чем эти произведения. А «Сибирская флора» И. Г. Гмелина полна ссылок на неизданные работы Стеллера, особенно на его «Иркутскую флору», включавшую описание до 1100 растений.

52 Чемерица Лобеля (*Veratrum lobellianum*) – двухлетнее травянистое растение из семейства лилейных. Виды чемерицы ядовиты: в корневищах этих растений содержатся ядовитые алкалоиды, благодаря чему чемерицу используют как антипаразитарное средство

Белена черная (*Hyoscyamus niger* L.) – двухлетнее или однолетнее травянистое растение из семейства пасленовых — издавна использовалась как сильное болеутоляющее и противоспазматическое средство. Очень ядовита

в русский напиток, получаемый посредством брожения (называется «квас»), долго варят в хлебной печи после того, как вынут хлеб, и необдуманно рискуют, предлагая выпить это питье каким-нибудь больным. В результате от Москвы до Тобольска, как я отметил в своем дневнике, пострадало более 60 человек. Некоторые умерли, некоторые заболели неизлечимыми болезнями с тяжелыми симптомами. От этого сильного средства были случаи выкидышей у женщин легкого поведения. Некоторые из них после употребления этого лекарства стали истеричками, у других началась чахотка, третьи умерли молодыми, у некоторых отнялись ноги. Обычно это страшное растение собирают в апреле. Его помещают в горшок, ждут, чтобы листья увяли и пожелтели. Тогда, как говорят, корень становится более сильным и действенным. Ни от какого лекарства в России и Сибири не погибло и не пострадало столько людей, как от этого, хотя русские без вреда для себя принимают самые сильные лекарства и могут их переносить.

Сельские сибиряки против трехдневной лихорадки вешают на грудь амулет. Он готовится из мяса, вырезанного из лошадиного копыта. Я узнал об этом смешном средстве от одного военного, который тщетно его употреблял и в конце концов обратился ко мне за помощью.

Русские на Волге готовят способом брожения спирт из цветков шиповника. Его применяют для улучшения деятельности сердца, называют «шиповная водка». Русские в Якутске, нарезав и сварив корень шиповника, пьют отвар с той же целью. Его употребляют вместо китайского чая, он приводит человека в веселое расположение духа.

Сильная цинга (*Scharbock*), которая мучает волжан, детей, мальчиков и девочек, нападает на людей как моровое поветрие. Она начинается на лице и на слизистой оболочке. На пальцах, на животе и на ногах появляются зловонные язвы, из них сочится желтый гной, губы краснеют и затвердевают, конечности стгибаются, обезображиваются ужасными опухолями, болезнь продолжается три-четыре года до полного угнетения всего организма. Насколько я мог узнать от окружающих из личного общения и наблюдения симптомов, излечение наступало после широких и часто повторяемых рассечений вен, продолжительного принятия внутрь смолистых отваров, а также в некоторых случаях после употребления отваров дерева сосны и ели. Я наблюдал также, что некоторые применяли терпентинное масло (скипидар).

Крестьяне на Волге и в Сибири лечат переломы костей с помощью липовой коры, называемой «луб». Кора накладывается на палочки, чтобы повязка непосредственно не касалась плеча или голени. Чтобы избежать опухоли и язв, сверху повязки поливают хлебным спиртом, вокруг накладывают липовую кору.

Через тринадцать дней больным дают глотать порошкообразную пыль, получающуюся при скоблении меди, что, по мнению крестьян, способствует быстрому срастанию костей.

Лук, испеченный в золе и затем нарезанный, прикладывают к щеке в той части, где чувствуют зубную боль, держат так долго, как могут терпеть горячее. Те, кто испытали это средство, утверждают, что часто оно тотчас же помогает.

Белену (*Hyoscyamus*) вместе с корнями, листьями и цветками русские в России и в Сибири в банях жгут в печи или в шутку, или из других соображений. Моющиеся в бане от этого впадают на некоторое время в беспамятство или совершают забавные сумасбродства в течение нескольких часов. Русские называют эту траву «белена-травя».

Всевозможные нарывы сибиряки быстро и безопасно побуждают созреть и прорваться. Они применяют повязку, пропитанную пивными дрожжами. Ее накладывают на нарыв. Я считаю, что этим средством не следует пренебрегать, так как оно не лишено смысла. Мучные частицы, окружающие дрожжи, закрывают поры, препятствуют испарению. Это улучшает состояние крови и способствует кровообращению.

Сибиряки в Тобольске в 1736 г. сильно страдали от эпидемии карбункулов. Сначала это поветрие коснулось лошадей, коров, телок, а потом перешло на людей обоего пола и разных возрастов. Внезапно появлялись красные пятна с нестерпимым жжением, иногда под подбородком, или под мышками, или на бедре. Через несколько часов опухоль значительно увеличивалась, это сопровождалось сильным жаром. Начиналась лихорадка, обильное потоотделение, головная боль, краснели глаза.

Старик крестьянин, знахарь, собрав много разных трав и приготовив их способом, описанным ниже, очень многим быстро и удачно восстановил прежнее здоровье. Василек (*Jacea vulgaris*) или золототысячник (*Centaureum*) с красным цветком, у которого стебель и цветки не развиваются за один год, он собирал, сушил в измельченном виде, смешивал с пивными дрожжами, получая нежную кашу, слегка нагревал и накладывал на карбункул. Больного он укладывал в постель, заставлял пить молоко, рыбий жир, хлебный спирт и одновременно отвар из этой травы, приготовленный вместе с цветками, тщательно ухаживал за ним. Наконец, однажды ночью карбункул прорывался, все симптомы болезни ослабевали. На рану он насыпал соль аммония.

Некоторое время он охранял больного, не позволяя ни жене, ни детям смотреть на карбункул, пока не вытечет материя. Хотя самому больному после такого лечения этот яд уже не может повредить, болезнь легко может перекинуться на других, как это было в другом случае

Портрет И. Г. Гмелина. Художник Х. И. Якоб. Меццо-тинто. СПФ АРАН. Р. X. Оп. 1 – Г. Д. 120

Иоганн Георг Гмелин родился в немецком городе Тюбингене в семье известного фармацевта, который обучал сына химии и фармации. В Петербург он прибыл, будучи 18 лет от роду (впрочем, почти все первые петербургские профессора были молоды). Способный молодой человек был приставлен к Кунсткамере, сначала волонтером, но уже через год был принят на службу в Академию наук с небольшим жалованьем.

Гмелин занимался не только разбором и описанием коллекций, но и научными исследованиями, результаты которых были позднее опубликованы в академическом научном журнале. За свои успехи в науке молодой ученый был назначен в 1730 г. экстраординарным академиком с жалованьем 400 руб. в год против предыдущих 120; а на следующий год – профессором химии и натуральной истории. Авторитет 27-летнего профессора был уже столь высок, что президент Академии наук Л. Л. Блюментрост поручил ему произнести в публичном

собрании речь по случаю тезоименитства императрицы Анны Иоанновны, которую ученый и посвятил «происхождению и успехам химии».

В августе 1732 г. Гмелин был включен в состав участников Второй Камчатской экспедиции. Ему поручили подготовить для исследователей инструкцию по естественной истории. Перед отъездом в экспедицию Гмелин сдал в архив 10 рукописей, в числе которых – краткий курс по натуральной истории, прочитанный им студентам, отбывающим в экспедицию, а также каталог минералов, хранившихся в Кунсткамере.

В августе следующего года участники экспедиции отбыли из Петербурга. Уже вернувшись из экспедиции, в феврале 1746 г. Гмелин представил 1-й том своего труда «Flora Sibirica» (он был опубликован в 1747 г.) и попросил разрешения о годичном отпуске в Отечество, в родной Тюбинген. Но отпуск Гмелина затянулся, а потом он и вовсе сообщил о своем решении не возвращаться в Петербург. С его поручителей, М. В. Ломоносова и Г. Ф. Миллера, велено было взыскать половину их жалованья, но позднее это решение было отменено, и с них удержали лишь сумму поручительства.

Тем временем С. П. Крашенинников, ставший первым русским профессором натуральной истории и ботаники Академии наук, подготовил к печати 2-й том «Сибирской флоры» Гмелина и опубликовал отдельным изданием перевод на русский язык предисловия автора к 1-му тому.

В марте 1750 г. Академия наук запросила у Гмелина рукопись продолжения «Flora Sibirica», обещая выплачивать по 200 руб. за том. Академия была готова простить Гмелину его невозвращение в Петербург при условии присылки рукописи книги.

В 1751—1752 гг. Гмелин опубликовал в Геттингене описание своего путешествия по Сибири «Johann Georg Gmelins Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733—1743», причем по выходе книги академическая Канцелярия поручила Ломоносову дать о ней отзыв, что в ней «достопамятного и полезного», а «что излишнего, непристойного и сумнительного». Последние же два тома «Flora Sibirica» были изданы в Петербурге в 1768 и 1769 гг. уже после смерти Гмелина его племянником С. Г. Гмелиным, занимавшим должность профессора ботаники Петербургской Академии наук.

Paeonia (пион). Рисунок И. В. Люрсениуса к 4-му тому «Flora Sibirica» И. Г. Гмелина (1769). Акварель, карандаш. СПФ АРАН. Р. I. Оп. 105. Д. 22. Л. 19

Caragana sibirica (карагана сибирская). Рисунок И. Деккера к 4-му тому «Flora Sibirica» И. Г. Гмелина (1769). Акварель, карандаш. СПФ АРАН. Р. I. Оп. 105. Д. 22. Л. 16

Иоганн Вильгельм Люрсениус (1704—1771) – рисовальщик, участник Второй Камчатской экспедиции. Затем был мастером рисовального художества в Академии наук, служил рисовальным мастером на штофной фабрике. В 1749—1754 г. – мастер «рисования трав и натуральных вещей» в Кунсткамере

с одним мальчиком. Он посмотрел на карбункул отца, и через несколько часов у него появилась опухоль под подбородком вместе со всеми другими симптомами, о которых я рассказывал. Мальчика лечили теми же наружными и внутренними средствами. Опухоль постепенно исчезла, и одновременно с частым потоотделением здоровье восстановилось.

Молва об удачном лечении дошла до меня, когда я был в Тобольске. Я слышал об этом от многих, которые излечились подобным способом. Нужно проверить, не были ли примешаны к цветкам замечательного василька-горькуши корни горечавки (*Gentiana*). Тогда снадобье легко должно стать противоядием.

Черемисских (марийских) женщин во время родов в тяжелых случаях подвешивают над печью в центре, в месте, нагреваемом печью снизу, и они обнимают руками балку. Затем собираются соседи, сидят вокруг и ждут появления ребенка. Подвешенная роженица кричит; у этого народа женщинам при родах не дают лекарств, у них нет повивальных бабок.

Пермяки на Каме при болях в спине и при ишиасе в бане натирают спину растертыми корнями цикуты. Они предупреждают, что нельзя касаться самой середины спины, а то будет хуже.

Плаун (*Lycopodium*) с листьями, как у можжевельника, сибиряки называют «золотуха». Эту траву они варят в воде, отвар употребляют: 1) для изгнания плода, 2) для ускорения правильных родов, 3) для лечения желтухи, 4) для лечения трехдневной лихорадки.

Пермяки и сибиряки больным чесоткой дают пить борец (*Napellus*, или *Aconitum*), который в народе называют «пригид». После того как из печи вынут хлеб, туда ставят для брожения питье (квас), к которому медленно добавляют борец. Достоинство упоминания, что многие

неожиданно погибли внезапной смертью от такой амброзии Ахерона. Отсюда видно, как вольничаяют в этих местах практикующие врачи.

Волос (*wolosok*) — русская болезнь, называется так не по волосу в ране, а по червю, похожему на волос, проникшему в язву, долго не заживающую. Так считают русские. Начинается эта злобная язва с воспаления, сопровождается жирными, маслянистыми выделениями. Русские обычно принимают для лечения сливочное масло, свиной жир, мазь «тегет». Эта болезнь существовала у древних. У крестьян она сегодня встречается тем более редко, чем более ясно современные врачи описывают вред, произрастающий от камышей. Между тем среди русских и сибиряков эта болезнь уже многих свела в могилу. Я видел выздоровевших, они излечились белым мышьяком, я сам тому свидетель.

Практикующие русские врачи вместе с немецкими считают целесообразным присваивать мыльным или слизистым жидкостям, как искусственным, так и природным, со следами масла, например масла тартара (*Oleum Tartari*)

Gentiana (горечавка). Рисунок И. Х. Беркхана к 4-му тому «Flora Sibirica» И. Г. Гмелина (1769). Акварель, карандаш. СПФ АРАН. Р. I. Оп. 105. Д. 22. Л. 24

или другого, названия различных «масел». Так, русские природные эскулапы обычно мне приносили и предлагали исследовать три «масла», особенно известных в России и Сибири.

Первое называется «муравьиное масло» (*Oleum formicarum*). Это природное масло продается как универсальное средство от всех болезней. Я старался принять участие в этой панацее — не более и не менее как самому найти его. Всеобщее мнение такое: в муравейниках в период праздника Иоанна Крестителя можно найти некую желатину золотистого цвета, очень пахучую, легкорастворимую в любой жидкости. Одного глотка этого раствора довольно, чтобы умирающего вернуть к жизни. У подагриков и ревматиков бо-

лезнь совершенно искореняется, изнутри и снаружи, со всеми потрохами.

Однако различные и противоречивые сообщения русских не внушили мне доверия. У меня создалось впечатление, что об этом деле много говорится такого, что не имеет значения. Предполагаемые владельцы этого чуда, как оказывалось, никогда его не видели и не имели. Известно, что смола пихты, называемая немцами «Mastichis», а русскими — «земляной или муравьиный ладан», обычно собирается в муравейниках. Вполне возможно, что русские впоследствии дали этому одно название, а может быть, они приняли это вещество за слизистые рудименты грибов, что, пожалуй, больше похоже на истину.

Плаун булавовидный (*Lycopodium clavatum*) — споровое многолетнее вечнозеленое растение из семейства плауновых. Порошок из спор издавна применяют для присыпки опрелостей у младенцев

Andromeda (подбел). Рисунок И. Х. Беркхана к 4-му тому «Flora Sibirica» И. Г. Гмелина (1769). Гмелин указал одно из русских названий этого растения – *riana trawa*, т.е. пьяная трава. Акварель, карандаш. СПФ АРАН. Р. I. Оп. 105. Д. 22. Л. 25

Беркхан был художником не только «зверей, трав и птиц» – в экспедиции он рисовал и проспекты городов (Новгорода, Екатеринбург, Тобольска, Тары, Томска). Сосчитать, сколько им выполнено рисунков, не представляется возможным, хотя художник свои рисунки подписывал – речь идет о многих сотнях акварельных листов. В каждой посылке в Петербург вместе с высушенными травами, семенами и корнями растений, чучелами птиц и животных отправлялись рисунки. Вот лишь несколько примеров: в 1734 г. отправлено 10 рисунков новых трав, 216 высушенных трав; в 1735 г. из Иркутска среди прочего отправлен «рисунок того сосуда, которым тунгусы вино носят, нарисованный чрез живописца Беркхана»; в 1735 г. в ящике с растениями с Ямышева соленого озера вместе с травами 33 листа рисунков; в 1738 г. сто рисунков новых трав на 81 листе; в 1740 г. с Иркутска, Ангары, Тунгуски, и Енисея «85 рисунков разных, прежде не описанных трав на 72 листах», 15 рисунков новых трав от адъютанта Стеллера; рисунки археологических находок, с изображением обрядов и быта якутов и т. д.

Вряд ли нужно особо упоминать о том, что без труда Беркхана и других художников (И. В. Люрсениуса и И. Деккера) результаты деятельности академического отряда Второй Камчатской экспедиции не могли бы быть столь успешны.

Надо иметь в виду, что часть рисунков сгорела во время пожара 1747 г. По документам СПФ АРАН мы можем определить, что это были за рисунки – после пожара руководство Академии наук предписало составить списки сгоревшего. В документах Архива сохранились рапорты художников, где в первом своем рапорте Беркхан пишет, что «рисунки ботанические, которые были даны для копирования, и оные рисунки в большом ящике были, те сгорели, а рисунки, которые мною последние из Сибири привезены, все в целости». (Последними привезенными рисунками были: «75 трав, 14 птиц, 9 рисованных грибов, 21 рисунок рыб, 4 рисунка зверей. 5 проспектов, 9 рисованных птичьих яиц. Недоделанных 26 рисунков».)

Из другого рапорта художника узнаем, что спасен из рисовальной палаты во время пожара ящик с 237 рисунками: «93 рисунка трав, в том числе 9 копированных, 21 рисунок рыб, 14 рисунков птиц, 4 рисунка зверей, 9 рисунков грибов, 9 рисунков от разных птиц яиц, 7 проспектов тушеванных, 30 рисунков разных сибирских народов, деланных красками, 27 рисунков тех же народов тушеванных, 7 рисунков платья сибирских народов, 16 рисунков неоконченных».

...Беркхан до последнего дня выполнял свои обязанности по Академическому музею. Пришедшая после его кончины на квартиру художника академическая комиссия обнаружила там «некоторое число листочков, тушью деланных, птиц и одного малеванного зверька и другого начатого делать».

Swertia (шверция). Рисунок И. Х. Беркхана к 4-му тому «Flora Sibirica» И. Г. Гмелина (1769). Акварель, карандаш. СПФ АРАН. Р. I. Оп. 105. Д. 22. Л. 22

Лютик дубравный (*Ranunculus nemorosus*) с белым цветком, по-русски называемый «белый цвет», обычно применяют в разных случаях.

Во-первых, им пользуются при потертостях кожи, накладывают на места, где есть покраснения и пузыри. Во-вторых, при ишиасе в бане травой, растертой вместе с листьями, сильно натирают спину. Больные говорят, что никакое другое лекарство так не помогает; вся кожа, покрытая пузырями, начинает болеть меньше, чем раньше. Однако выздоровление задерживают оставшиеся язвы, заметна уплотненная. Жгучая, едкая водянистая жидкость, вытекающая из язв, превращает всю спину в одну рану, очень болезненную. Такое действие следует приписывать не трению, произведенному травой, но тому, что тело в бане распаривается настолько, что, когда человек выходит оттуда, он бывает весь красный и чувствует изнеможение. Это сильно задерживает выздоровление.

Очиток (*Sedum*) с листьями, как у розмарина, русские сибиряки обычно разбрасывают для уничтожения и для отпугивания клопов. Предварительно они плотно закрывают окна и все отдушины, затем сжигают траву; свод печи оставляют открытым на два или три дня. Возвратясь, очищают помещение от мертвых и оцепенелых клопов и на год остаются спасенными от их укусов. По прошествии года это окуривание рекомендуется повторить.

Медный купорос (*Vitriolum Cuprium*), в форме порошка подмешанный к молоку, русские сибиряки обычно дают детям, которым исполнилось только несколько месяцев; они убеждены, что последовавшая за этим сильная рвота избавит детей от кашля, затрудненности дыхания, от чрезмерного скопления слизи.

Русские сибиряки настаивают простую водку на цветках обыкновенного тысячелистника (*Millefolium vulgare*) и повторяют перегонку. Они уверяют, что при этом спирта становится больше, он приобретает аромат,

а кроме того, — красивый сапфирно-голубой цвет. Сам я не пробовал это делать, но достойный господин Хофман в своих химических наблюдениях это подтверждает. Он пишет, что из этой травы получается масло красивого голубого цвета. Едва ли стоит сомневаться в том, что из цветков ромашки (*Chamomilla*) можно получать спирт такого же цвета.

Украинцы окрашивают водку в красивый голубой цвет, применяя таким же способом корневища кровохлебки большой (*Sanguisorba major*), называемой «летринец». Однако этот опыт, повторенный в Сибири, чаще всего оказывался неудачным, голубой спирт не получался. Следует сделать вывод, что украинская кровохлебка — это другой вид, отличающийся от обыкновенной, растущей в Сибири.

Зрелые красные ягоды калины обыкновенной с простым белым цветком (*Opulum ruellium*) русские сибиряки употребляют для забавного опыта. Они берут зрелые плоды, помещают их в новый горшок, добавляют сахар, наливают спирт, а лучше водку, горшок закрывают крышкой и сверху обмазывают тестом, чтобы не было испарения, держат в печи так долго, пока не станет очевидным, что вся краснота из ягод извлечена и они стали наподобие белого воска совсем белоснежными. Из ягод извлекают жидкость, лишенную вкуса и запаха, очень похожую на простую воду, но обладающую силой опьянения, безвредную. К этой горячей жидкости добавляют чай, китайскую траву. Этот напиток они предлагают тем, кто отказывается пить спирт и пьянствовать, делают их своими сотоварищами. Сами того не сознавая, люди неосторожно напиваются допьяна.

Прострел (*Pulsatilla*) с анемоновидными листьями и оранжевым цветком сибиряки, растерев, кладут на ночь, на любую часть тела и таким образом лечат пузыри и язвы. Это у них, кроме того, является средством, ничего не боясь, вызвать болезнь и таким образом уклониться от военной или другой службы. Они, сделав себе рану, берут несоленое сливочное масло, смешивают с желтым воском и накладывают на раненое место. Намазавшись так, они остаются два или даже три дня и затем полностью выздоравливают. Русские называют это растение «ветреница».

Сибирский адонис (*Ranunculus foliis ferulaceis*) вместе с корнем морозника черного (*Helleborus niger*) и цветком пупавки красильной (*Buphtalmum*) татары, живущие близ Тюмени, бросают на угли, следуя Корану, для того чтобы отгонять духа или дьявола болезни. Они делают это и когда здоровы, и когда болеют. А русские сибиряки, называющие это растение «стародубка», отвар его пьют как универсальное средство при любых заболеваниях. Они говорят, что это лекарство особенно помогает от дурного глаза.

Прострел (*Pulsatilla vulgaris* или *Anemone pulsatilla*) — многолетнее травянистое растение из семейства лютиковых. Один из красивейших весенних первоцветов

Кровохлебка аптечная (*Sanguisorba officinalis* L.) — многолетнее травянистое растение из семейства розоцветных. В народной медицине корень применяется при расстройствах желудка и дизентерии

Кипрей (*Chamaenerion speciosum*) русские, живущие на берегах Лены, в Иркутске и дальше, называют «кипри». Приготовляя из этой травы питье способом брожения, они собирают большое количество ее, когда она достаточно вырастет, вынимают из стеблей сердцевину, заливают эту сердцевину кипятком, варят, затем ставят на печь недалеко от огня, чтобы смесь быстрее упрела; полученный напиток отличается кисло-сладким вкусом. Его пьют вместо простого, приготовленного из муки, и очень хвалят его вкус.

Рогольник (*Tribuloides vulgaris*), растущий в воде, русские называют «роголик». Русское население Томска и чулимские татары измельченные плоды его заливают горячей водой и пьют при спазматических болях и при простуде. Татары называют его «аршанге».

Бобровую струю (*Lac castoris*) остяки [ханты] употребляют для лечения маленьких детей. Ею намазывают опухоли кожи. Опухоль исчезает. От остяков этому научились и русские, живущие по берегам Оби. Они уверяют, что успешно лечат опухоли кожи у детей, называемые «грыжа».

Речных лягушек чулымские татары сушат, выставив на открытый воздух и ветер, затем растирают их в порошок и посыпают раны, при внутренних повреждениях и разрывах, при кровохаркании лягушек обычно варят и пьют полученный отвар.

Русские, живущие в Томске, больных острой лихорадкой летом опускают в ужасно холодные колодцы, а зимой раздевают догола и опускают под лед, остудив, как можно больше, вынимают, завертывают в полотно и кладут в постель. Больного покрывают многими одеялами, он потеет и через несколько дней освобождается от лихорадки. Большинству врачей этот способ лечения, вероятно, покажется совершенно неверным и глупым, тем не менее, факты таковы, что, как правило, больные без особой потери сил излечиваются от болезни. Сам я, однако, отказался попытаться на себе это крещение в реке.

Другой способ лечения острой лихорадки, применяемый жителями Томска, состоит в том, что больного ведут в баню, где он должен хорошо пропотеть, сильно натирают ему все тело очень холодными солеными

Адонис сибирский (*Adonis sibirica*) – растение из семейства лютиковых. Виды адониса применяются как сильное сердечное средство. Ядовит

огурцами, затем снова кладут в постель, ничуть не сомневаясь, что он скоро выздоровеет.

Остяки при каких-либо ранениях способны принести раненому только одно облегчение: собираются его родственники и просят у русских свиные кости. Наскобленными костями они посыпают рану. Я сам был свидетелем, что в удачном исходе этого лечения они никому не признавались.

Черемуха (*Cerasus racemosa*, или *Padus theophrasti*) доставляет русским, а также всем татарским народам различную пищу и напитки. Русские, особенно жители Томска, отлично умеют сушить эти ягоды в печи. Сушеную черемуху они предлагают гостям в виде десерта, ее разгрызают зубами вместе с косточками и глотают. Свежие ягоды черемухи – любимое лакомство

Медуница лекарственная (*Pulmonaria officinalis*) – хорошо известное многолетнее травянистое растение из семейства бурачниковых. По словам Г. В. Стеллера, «..Вотяки (удмурты) в апреле и мае отваривают медуницу (*Pulmonaria*) и затем пьют отвар вместе с травой. Траву называют «Zusni pisni»

Ятрышник (*Orchis*) – род многолетних травянистых растений из семейства орхидных. По словам Г. В. Стеллера, «...Не только русские, но и татары, и калмыки считают клубни ятрышника (*Orchis*) сильным возбуждающим средством. Особенно это относится к калмыкам. Вообще они ... склонны обманывать, многое скрывают, а затем высмеивают других, как меньше знающих о природе, чем они. Описывая это удивительное растение и множество его чудесных свойств, они допускают бесстыдные преувеличения и насмешки и словно устраивают слушателю экзамен, как это было со мной в Томске»

у русских, а также и у татарских племен. Даже у медведей этим летом из-за ягод от реки Оби до Чулима возникали кровавые побоища, поскольку и они употребляют эти ягоды в пищу. Люди пекут в печи пироги с черемухой, а иногда толкут свежие ягоды, наполняют ими бочку до половины, заливают кипятком, потом ставят в кладовую, закрывают и там хранят до тех пор, пока вся краска не перейдет в воду и вода не приобретет цвет красного вина. Этот напиток, слив, отделяют от ягод. Его предлагают гостям вместо красного вина. Нелегко отличить его от вин дешевой марки.

Крыжовник без колючек с большими черными ягодами, обильно растущий по берегам рек Иртыш, Обь и Томь, представляет другую замену винограда русским сибирякам и татарским племенам вместе с медведями. Люди готовят из него напитки трех видов.

Первый и второй готовят почти одинаково, разница в том, что во второй добавляется мед, поэтому он вкуснее первого. В третий добавляется водка, или выжатый сок смешивается с водкой. Эти напитки употребляются вместо вина в праздничные дни, при произнесении обетов; их пьют с благоговением.

Rubus (малина, малинник).
Рисунок И. В. Люрсениуса.
Акварель, карандаш. СПФ АРАН.
Р. I. Оп. 105. Д. 22. Л. 67.

Hypericum asciron
(зверобой большой).
Рисунок И. Х. Беркхана
к 4-му тому «Flora Sibirica»
И. Г. Гмелина (1769).
Акварель, карандаш. СПФ АРАН.
Р. I. Оп. 105. Д. 22. Л. 23

Ягоды брусники (*Vaccinium vitis idaea*) готовят таким же образом. Подмороженные ягоды рябины обыкновенной (*Sorbus aucuparia*) как во всей России, так и в Сибири населением употребляются в виде десерта. Жители Томска из растолченных ягод, с прибавлением кипятка и с помощью пивных дрожжей, готовят спирт, более сильный, чем хлебное вино, и довольно приятный на вкус. Однако белому вину отдают предпочтение, поскольку сами ягоды рябины обладают вяжущим свойством.

Борщевик (*Spondylium*) не в меньшей мере употребляется русскими. В начале весны его нежные листья варят с мясом вместо капусты. Такой обычай существует и на Украине. Стебли взрослых растений сибиряки собирают отдельно, нарезают, заливают кипятком и заквашивают. Затем сваренные стебли едят, а рассол крестьяне пьют.

В некоторых местностях Сибири из него в большом количестве готовят простой спирт следующим образом. Листья и стебли борщевика нарезают, наполняют ими бочку на четыре пальца, насыпают туда муки на один палец и оставляют бродить, пока бочка не станет полной, к этому месиву прибавляют кипятком, два или три кусочка хлебных дрожжей, затем все перемешивают, через два дня производят перегонку. Если нет специального прибора, его можно заменить двумя горшками, поставленными один на другой, и цилиндрической трубкой от ствола бомбарды.

...Русские, живущие от Вятки до Енисея, переняли от черемисов, вотяков, казанских татар, вогулов (манси), остяков и томских татар «моксу». Это самое известное и самое древнее снадобье у всех татарских народов. Все готовят моксу из сушеных листьев голыни (*Artemisia*), а некоторые — из листьев василька-горькуши (*Jacea*), другие — из листьев коровяка (*Verbascum*). При этом сушеные листья обычно трут обеими руками до тех пор, пока не будут отделены и сдуты мясистые порошкообразные частицы травы и останется только пух.

Этот пух в виде дымки легко прикрепляют к больному месту с помощью слюны при всяких болезнях, при этом испытывают сильное воспаление кожи. Не удовлетворяясь однократным накладыванием моксы, повторяют это до тридцати раз. Говорят, что предвестником скорого выздоровления является воспламенение моксы от эластичного движения кожи. Быстро, со свистом поднявшись вверх, отделяясь от кожи сама собой, мокса падает на землю. Однако у этих племен не принято при ранениях накладывать моксу руками непосредственно на артерии. Раны они смазывают или несоленым сливочным маслом, или рыбьим жиром и больше не применяют никаких других лекарств, ждут, когда повязка отвалится сама собой. На своем языке они называют это «жабни ядки».

Я наблюдал, проверив состояние многих людей, отмеченных этим знаком (повязкой). И собрав истории болезней, убедился, что применение моксы никогда не бывает безвредным... Несколько раз, как я видел, дело дошло до того, что люди становились похожими на высохшее дерево и не могли двигать руками и ногами. Нервы у них частично повредились, однажды сократившись, они уже не могли принять прежнее положение. Поэтому загнившие язвы только с большим трудом начинали заживать. Места, которые долго подвергались прижиганиям, оказались поврежденными. В тех случаях, когда я наблюдал выздоровление, оказывалось, что под влиянием этого лекарства излечивались болезни, начавшиеся от внезапного застоя крови или от запоров. Итак, это быстродействующее испытанное лекарство помогает при зубной боли, болезнях ушей, покраснении глаз, при нарывах, возникших самопроизвольно, при ишиасе и других подобных болезнях.

Остяки, живущие на берегах Иртыша и его притоков, вместе с самоедами (ненцами), юкагирами, ламутами (эвенгами) и камчадалами (ительменами) и с остальными языческими племенами, главное достояние которых — табак и водка, употребляют грибы, уничтожающие мух, называемые по-русски «мухомор». Они едят их не потому, что эти грибы вкусны, следовательно, не для удовольствия, а потому, что тогда впадают в состояние глубокого опьянения, становятся помешанными, безумными, склонными и расположенными ко всяким глупейшим фантазиям. Я узнал об этом не только из рассказов остяков, но видел это на практике.

По бедности они не могут удовлетворять свои неразумные стремления с помощью водки, у них нет возможностей постоянно ее приобретать, они заменили ее грибом, убивающим мух. Люди разного пола и возраста, договорившись между собой, собираются вдвоем, втроем, вчетвером или в большем числе, чтобы провести несколько дней в состоянии как бы опьянения. Они совершают странные поступки, прыгают и поют. С этой целью они сознательно съедают один, два, три или даже до четырех мухоморов в сыром виде, без всякой предварительной обработки, шляпки вместе с ножками и приставшими к ним комьями земли, заливают холодной водой из реки.

Едва пройдет полчаса, они начинают шататься, дрожать, становятся словно пьяные или безумные. Они не могут ходить и твердо стоять на каком-нибудь месте,

Asclepias (ваточник).
Рисунок И. Х. Беркхана
к 4-му тому «Flora Sibirica»
И. Г. Гмелина (1769).
Акварель, карандаш.

СПФ АРАН. Р. 1. Оп. 105. Д. 22. Л. 15

падают на землю или в юрте, или вне ее. Сначала они, как правило, впадают в помешательство, ложатся на спину, задрав вверх ноги, непрерывно дергаются и трясутся, затем начинают смеяться или предсказывать будущее, или петь всякие нестройные песни. Лица у них радостные, они чувствуют себя свободно. Широко раскрытыми глазами смотрят они на окружающих. Они уверяют, что видят не только прекраснейшие местности, луга, деревья и подобное, но и изящнейших дев и всевозможные украшения и приятные предметы. Вслед за тем им слышится сладчайшее пение птиц и отличная игра на музыкальных инструментах. Им кажется, что их тело сильно увеличивается в размерах, достигая сажени в диаметре и трех или более в высоту, и они очень радуются этому. Опыянение продолжается около пяти часов, потом они неохотно встают на ноги. Они идут смешными шагами, с надменным и хвастливым видом, выступают важно, оглядывая стоящих вокруг соседей. Начинается необычное хвастовство, они хвалятся богатством, силой, всякими выдающимися свойствами. Об этом они поют, сопровождая пение игрой на инструменте «тумбра», который русские называют «гудок». Это усиливает звучание их голосов. Все время оглядываются они на зрителей, воображая, что вызывают всеобщее восхищение. Затем последующей ночью они блуждают вокруг, оглашая криками соседние леса, не спят, ведут продолжительные беседы, доходя до одурения. Постепенно приходя в себя, становятся более обходительными. Из особой вежливости они пришли ко мне и очень некстати угощали меня этой манной пророческой. Я же, однако, не решился отведать этого страшного гриба.

После того как опьянение у них окончательно рассеялось, через 24 часа они снова, в третий или четвертый раз приняли эту фантастическую пищу. Русским, из любопытства поевшим этого гриба, казалось, что они вознеслись на небо и находятся среди ангелов и святых. Не все остяки, впрочем, ели эти грибы безнаказанно, некоторые до самой смерти остались помешанными и вскоре умерли, у других безумие достигло такой степени, что они сами ранили себя ножами. Они рассекали себе живот и погибали, бросаясь в волны. Не помогало и средство, которое советовали применять более осторожные. Оно состояло в том, что в продолжение праздничного безумства запрещалось сходиться с женщинами. Говорили, что в противном случае люди до самой смерти останутся безумными или умрут сразу, если разум их не удержит от таких связей. Прежде чем эти племена стали принимать христианство, потребление этих грибов всегда было священной пищей шаманов-фанатиков перед тем, как они начинали камлание. С тем большим бесстыдством могли они тогда обманывать народ. Мне достоверно сообщили, что юкагиры приписывают этому грибу большую силу, причем один человек должен, поев гриба, запивать его мочой другого, другой — третьего и так до десяти. Считается, что моча обладает свойством опьянения. [У людей, находящихся] в состоянии безумия, я не мог заметить ускорения, пульса или какого-нибудь признака возбуждения крови. По-видимому, этот яд оказывает действие более на нервы, поскольку после потребления гриба нервы расшатываются; старики, как правило, начинают непрерывно дрожать и впадают в совершенное слабоумие, становятся подобными скотам, это наступает у всех в возрасте около 40 и 50 лет.

Spiraea Sorbifolia (рябинник).
И. Г. Гмелин прислал семена рябинника в Петербург, и они были высеяны в Ботаническом саду. Впоследствии кустарник был распространен по всей России. Рисунок И. Х. Беркхана к 3-му тому «Flora Sibirica» И. Г. Гмелина (1769).
Акварель, карандаш.
СПФ АРАН. Р. I. Оп. 105. Д. 22. Л. 12

В статье в качестве иллюстраций использованы документы Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПФ АРАН). Публикация материалов статьи подготовлена заведующей отделом публикаций и выставок СПФ АРАН к. ф. н. Н. П. Копаневой по статье Т. А. Лукиной «Г. В. Стеллер о народной медицине Сибири (Неопубликованный трактат 40-х годов XVIII в.)» // Страны и народы Востока. М., 1982. Вып. 24. С. 127—148

В публикации использованы гербарные материалы из собрания Центрального сибирского ботанического сада СО РАН (Новосибирск).
Редакция благодарит сотрудников ЦСБС СО РАН к. б. н. Е. А. Королюк, к. б. н. Д. Н. Шауло и д. б. н. А. Ю. Королюка за помощь в подборе иллюстраций